

РОЛЬ ВОООБРАЖЕНИЯ В КАНТОВСКОЙ ТЕОРИИ ОПЫТА¹

УИЛФРИД СЕЛЛАРС

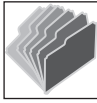
I

1. Моя цель в этой статье — дать благожелательное изложение кантовской теории продуктивного воображения и той роли, которую оно играет в чувственном опыте [восприятии]. При этом мой метод будет заключаться не в буквальной интерпретации и комментировании кантовских текстов, а в построении внешне независимой теории, которая тем не менее будет отражать суть кантовского подхода. Сосредоточение внимания на самом предмете исследования позволит вместо работы по введению кантовской терминологии, архитектоники и полемической заостренности изложить суть дела достаточно компактным образом.

2. Называя конструируемую мной теорию «внешне независимой», я также подразумеваю, что хотя я буду придерживаться того, что считаю истинным, предполагаю учесть релевантные для нее мотивы из кантовской «Критики». Степень, в которой мне удастся передать дух кантовской мысли, будет определяться тем, насколько я смог понять «букву» его текста.

3. Наш доступ к внешнему миру, к природе и разнообразию объектов (в максимально широком смысле), из которых мир состоит, осуществляется посредством чувственного восприятия [perception]. Феноменологическая рефлексия же над структурой чувственного опыта должна помочь выявить те категории и наиболее общие роды

¹ Данная статья представляет собой текст лекции (the Dotterer Lecture) в Пенсильванском университете (США, весна 1978). Перевод осуществлен по: Categories: A Colloquium; ed. Henry W. Johnstone. University Park : Pennsylvania State University, 1978. P. 231–245. Ее англоязычный вариант можно найти на сайте: <http://www.ditext.com/sellars/sellars.html> а также в: In the space of reasons // Selected Essays of Wilfrid Sellars; ed. K. Sharp and R. Brandom. Harvard University Press, 2007. — Прим. перев.

или классы, к которым эти объекты принадлежат, а также способ, посредством которого воспринимаемые объекты и воспринимающие их субъекты «встречаются» в акте восприятия.

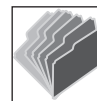
4. Поэтому я начну свои размышления над кантовскими темами с тщательного рассмотрения и оценки относящихся к делу [релевантных] черт чувственного [фактически зрительного] опыта. Это позволит предложить некоторый начальный каркас рабочих дистинкций, которые впоследствии будут уточняться. Подобные дистинкции в том или ином виде являются неотъемлемой частью философского ремесла, а их последующее уточнение ведет к развитию философской мысли путем полемики.

5. Во-первых и прежде всего, имеет место различие между [зрительным] актом восприятия и воспринимаемым [видимым] объектом. Зрительный опыт представляет собой непосредственное осознание сложной физической структуры воспринимаемого. Он также является перспективистским, т.е. осуществляемым с определенной точки зрения. Непрозрачные объекты представляются как наделенные цветными лицевыми поверхностями. Однако при этом я не имею в виду, что объекты представляют собой сложные конфигурации цветных протяженностей [визуальных «чувственных данных»], но скорее то, что они представляются как трехмерные физические объекты, которые находятся в таких-то и таких-то положениях по отношению друг к другу и к телу воспринимающего их субъекта.

6. Во-вторых, имеет место уже неявно упоминавшееся различие между объектами восприятия [воспринимаемыми объектами] и тем, *в качестве* чего они воспринимаются. Так, в достоверном акте восприятия, который происходит в оптимальных условиях (чего нельзя сказать об иллюзиях, ошибочном восприятии или галлюцинациях), объект, например кирпич, — это не просто кирпич сам по себе, который является красным и прямоугольным с обращенной ко мне стороны, но его видят *в качестве* [seen as] красного и прямоугольного с видимой мне стороны кирпича. Как это следует понимать?

7. Традиционно проводилось различие между визуальным объектом и основанным на этом восприятии суждением *об* этом объекте. Это последнее истолковывалось как особый вид верований [убеждений], а они в свою очередь мыслились как имеющие пропозициональную форму; как имеющие, так сказать, синтаксическую форму, которая параллельна или аналогична синтаксической форме предложения, выражающего это верование во внешней речи. Верования, можно сказать, наличествуют как менталезе [Mentalese]².

² При переводе термина «Mentalese» мы в зависимости от контекста иногда будем оставлять его русскую кальку *менталезе*, понимая под ней «ментальный язык», «язык мысли»; соответственно в позиции прилагательного — переводить его как *ментальный*. — Прим. перев.

8. Это привело некоторых философов к мысли о том, что процесс видения [see] визуального объекта *как* кирпича с красной прямоугольной лицевой поверхностью состоит из собственно *видения* [seeing] этого кирпича и *убеждения* в том, что то, что мы видим, относится к классу кирпичей с красной и прямоугольной лицевой поверхностью:

Это [This is] является неким кирпичом, который имеет красную и прямоугольную лицевую [видимую нам] поверхность, где *суждение*, выражающее убеждение [judgment]³, содержит указательную составляющую, аналогичную указательному местоимению «это» [this] в предложении, посредством которого оно могло бы быть выражено.

9. Для меня очевидно, что надо бы добавить еще *что-то* к идее, что «видение *как*» включает в себя акт веры, но, на мой взгляд, стандартное рассмотрение не совсем точно истолковывает структуру верования. Заметим, что субъект [подлежащее] приведенного выше суждения был выражен выше как чисто указательное и простое «*это*», а то, *как* видится объект, было поставлено явным образом в предикативную позицию [сказуемого], а именно: «является неким кирпичом, который имеет красную и прямоугольную лицевую поверхность».

10. В противоположность этому я смею утверждать, что *корректно представленное* чувственное убеждение имеет совершенно другую форму:

Этот [This] кирпич с красной и прямоугольной видимой поверхностью...

Замечу, что это не суждение, а сложное указательное выражение [или дескрипция]⁴. Другими словами, я уверен, что в таком основанном на перцепции суждении, как, например:

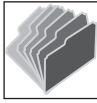
Этот кирпич с красной и прямоугольной лицевой поверхностью слишком велик для (под)ручной работы.

— собственно перцептуальное убеждение есть та часть сложного указательного менталезе [mentalese], которая является грамматическим субъектом суждения как целого. Это может быть переформулировано как необходимость различения между перцептуальным *приобретением* [perceptual taking]⁵ и *убеждением в том*, что приобретается. То, что *приобретается* или, если можно так сказать, *убеждение-в* [том, что приобретается] представляется сложным указательным выраже-

³ Выделением термина «суждение» Селларс подчеркивает, что чувственное верование является аналогом предложения (resp. утверждения) нашего ментального языка, хотя и отличается от утверждения в узком смысле этого слова (подробнее об этом говорится ниже в п. 10). — Прим. перев.

⁴ В данном случае это указательное выражение можно было бы охарактеризовать как *дескрипцию* (описание), которая отличается от *суждения* (подробнее об этом см. наше предисловие). — Прим. перев.

⁵ Выражение «perceptual taking» — *перцептуальное приобретение (содержание)* — является специальным термином философской системы Селларса (подробнее об этом см. наше предисловие). — Прим. перев.

нием, в то время как убеждение-об этом объекте выражается следующим за ним явным предикатом. Перцептуальные приобретения, истолкованные таким образом, наделяют воспринимающего субъекта перцептивными субъектными термами [содержанием], необходимыми для построения суждений в собственном смысле слова.

11. С этой точки зрения то, в *качестве* чего воспринимается визуальный объект, зависит от содержания сложного указательного ментального выражения.

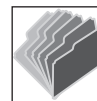
II

12. Теперь я подготовлю почву для следующего важного шага в моем рассуждении путем изменения примера. Рассмотрим визуальное восприятие красного яблока. Яблоки красные снаружи (у них красная кожа), но белые внутри. Другие свойства яблок тоже важны, но для начала достаточно и этого. Первое, что надо сказать о яблоке, – это то, что мы видим его не только как яблоко с красной поверхностью, но и *как* белое внутри. Хотя это только начало. Заметим, что наш опыт содержит некоторое актуально существующее [фактическое] количество красного. Под «актуально существующим количеством красного» я имею в виду какое-то количество красного, в существование которого не просто *верят*, как верил в существование «фонтана юности» конкистадор Понсе де Леон. Ведь «фонтан юности» на самом деле не существует. Напротив, то количество красного, которое является одним из компонентов визуального восприятия яблока, не только существует на самом деле, но и актуально или, если использовать близкую метафору, телесно присутствует в нашем опыте.

13. Но как быть с белой яблочной мякотью⁶, которую яблоко, *по-видимому* [is seen as; феномен видения как], содержит? Многие философы поддались бы соблазну сказать, что она наличествует *в опыте* только благодаря тому, что мы убеждены в этом. Мякоть, конечно, реально существует как компонент яблока, но они настаивали бы на том, что она актуально не присутствует в опыте. Феноменологи же настаивают на том, что такое понимание ошибочно. Согласно их взглядам, актуальное количество белого присутствует в опыте [восприятия] параллельно с красным. Мы воспринимаем красное *как содержащее* [в себе] белое.

14. Но если то, что воспринимается, есть красное-содержащее-внутри-белое *как* красное-содержащее-внутри-белое, и если и

⁶ Говоря о яблочной *мякоти* (далее также *прохладности, сочности...*), Селларс использует выражение «a volume of white apple flesh», подчеркивая с помощью «a volume» *телесный* характер их бытия. Исходя из стилистических соображений, мы переводим это выражение или как «белая мякоть», или как «объем белой яблочной мякоти», или как «некоторое количество белой яблочной мякоти». – Прим. перев.

красное, и белое – актуально присутствующие данности, то как мы тогда должны оценить тот вполне законный факт, что мы *не видим внутренности яблока*? Несомненно, что мы рассматриваем яблоко *как* белое внутри, но мы *не видим* белизну внутренности яблока.

15. Тем самым мы должны добавить еще одно различие, на этот раз между тем, *что мы видим*, и тем, что мы *видим* [на самом деле] *из того, что мы видим*⁷. Это достаточно тонкий момент, который необходимо учитывать, если мы не хотим сбиться с пути. Таким образом, когда я вижу закрытую книгу, все из следующих утверждений являются истинными [хотя и в разных смыслах⁸]:

- 1) Я вижу эту книгу.
- 2) [Я думаю/предполагаю/воображаю, что] Эта книга имеет страницы внутри.
- 3) Я рассматриваю [see] эту книгу *как* имеющую страницы внутри.
- 4) Я не вижу никаких страниц, находящихся внутри.
- 5) [Я думаю/предполагаю/воображаю, что] Эта книга имеет заднюю обложку.
- 6) Я рассматриваю [see] эту книгу *как* имеющую заднюю обложку.
- 7) Я не вижу заднюю обложку.

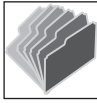
16. Как может белая яблочная мякоть [актуально] присутствовать *как данность* в визуальном опыте, если она невидима? Ответ очевиден. Она присутствует [в опыте] благодаря тому, что *ее воображают*. (Заметим, что для того, чтобы прийти к этому выводу, необходимо проделать гораздо больше феноменологических операций, чем это было явно проделано в нашем случае, но мы опираемся на уже накопленное знание.)

17. Но посмотрим, куда это нас ведет. *Реальный* объем белого дан в опыте как содержащийся в *реальном* объеме красного. Но если реальность белой яблочной мякоти состоит в том, что *ее воображают*, она должна в своем существовании зависеть от воспринимающего субъекта; она [белая мякоть] должна в каком-то смысле, который еще надо проанализировать, находиться «в» воспринимающем субъекте.

18. Прежде чем продолжить рассмотрение этого вопроса, заметим, что сказанное выше справедливо для красноты другой, невидимой, стороны яблока. Яблоко видится *как* имеющее противоположную красную сторону. Более того, феноменолог добавит, что красно-

⁷ В работе «Some Reflections on Perceptual Consciousness» это различие Селларс поясняет следующим образом: мы *видим* кирпич, а что мы *видим на самом деле, из того что мы видим*, – это определенная часть его поверхности, например его лицевая сторона («Taking into account the above distinction between what we see (e.g. a brick) and what we see of what we see (e.g. a certain part of its surface)»; англ.). – Прим. перев.

⁸ В данном случае (1) соответствует общему описанию данного в восприятии; (3) и (6) – феномену «видения как» из п. 6; (2) и (5) являются суждениями восприятия из п. 7, аналогичными «видению» белой яблочной мякоти из п. 12–14 посредством *воображения* (см. п. 16); а (4) и (7) – фиксируют различие между реально воспринимаемым и воображаемым (в п. (2), (3) и (5), (6)). С помощью выражений в квадратных скобках мы попробовали эксплицировать разный смысл «видения» в каждом случае. – Прим. перев.

та противоположной стороны не просто *предполагается* в нем [*believed in*], она телесно присутствует в опыте. Как и ненаблюдаемое белое, она присутствует в восприятии, будучи воображаемой.

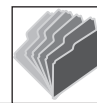
19. Заметим также, что сказать, что что-то присутствует в опыте благодаря тому, что его воображают, не значит сказать, что оно *представлено как* воображаемое. Результаты кропотливого феноменологического описания не могут быть извлечены из опыта теми, кто слишком спешит. Красное может представлять себя *как* красное и белое – *как* белое; но ощущения не представляются *как* ощущения, а образы – *как* образы. В противном случае философия оказалась бы гораздо легче, чем она есть на самом деле.

20. Теперь феноменолог попросит нас принять во внимание один феномен, который часто упоминают, но который столь же часто неправильно интерпретируют. Предположим, на дальней горе виден снег. Он выглядит холодным. Действительно ли мы *видим* белизну снега, но только *верим* в то, что он холодный? Возможно, это иногда так и есть, но далеко не всегда. Иногда фактический холод наличествует в опыте, как наличествовали *белое* внутри яблока и *красное* с его обратной стороны. Еще раз: мы на самом деле не *видим* холод снега, но мы видим снег *холодным* [*как* холодный]; и мы переживаем реальный холод так же, как мы переживаем реальную белизну снега. Реальная холодность телесно присутствует в опыте так же, как и реальный объем белого.

21. Объединим наши результаты в один пример. Мы видим прохладное красное яблоко. Мы видим его *как* красное с лицевой стороны, *как* красное с противоположной стороны и *как* содержащее прохладную белую яблочную мякоть. Мы не можем высмотреть *из* [восприятия] яблока его задней стороны, или его внутренности, или его внутренней белизны, или его холодности, или его сочности. Но хотя все эти черты не *видимы*, они не *только* предполагаются. Эти черты наличествуют в объекте восприятия как реальные. Они наличествуют благодаря тому, что их воображают.

22. Сделаем дальнейшее уточнение. Мы видим яблоко. Мы видим его *как* яблоко. Высматриваем ли мы *из* него его яблочность? Мы видим медный грош. Мы видим его *как* медный грош. Высматриваем ли мы *из* него, что он состоит-из-меди? Мы видим кусок сахара. Мы видим его *как* белый и *как* растворимый. Мы высматриваем *из* него его белизну. Высматриваем ли мы *из* него его растворимость? Ответ на последний вопрос безусловно отрицательный, как и на вопросы относительно яблочности и медности, и по той же самой причине. Аристотель выразил бы это, сказав, что мы высматриваем *из* объектов только их наличные собственные и общие чувственные качества. Но мы не высматриваем *из* объектов их причинных свойств, хотя и видим их *как* имеющие эти свойства.

23. Для того чтобы вывести из всего этого необходимые следствия, мы должны провести различие между воображением [вообра-

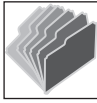
жающим мышлением; *imagining*] и «рисованием образов» [образным мышлением; *imaging*] так же, как мы различаем восприятие [*perceiving*] и ощущение [*sensing*]⁹. На самом деле введенное различие в сущности одинаково в обоих случаях. В первом приближении воображение [*imagining*] является тесным переплетением [«смесью»] образной деятельности [*imaging*] и концептуализации, тогда как восприятие является «смесью» ощущения [*sensing*] и образной деятельности [*imaging*], и концептуализации. В соответствии с этим воображение прохладного сочного красного яблока (как прохладного сочного красного яблока) является результатом совместной работы (а) *образовывания* объединенной структуры [*imaging*; т.е. образа. – Пер.], содержащей в качестве своих аспектов образы белой мякоти, окруженной красным, и взаимопроникающих объемов сочности и прохлады; (в) *концептуализации* этой объединенной образной структуры [*image-structure*] как прохладного сочного красного яблока. Заметим, что перечисленные собственные и общие чувственные признаки входят сюда *дважды* и как положенные в качестве *реальных черт* образа, и как положенные в качестве мыслимых [концептуальных]. А вот яблочность присутствует здесь только благодаря тому, что она мыслится¹⁰ (т.е. она дана как существующая интенционально [*in-existence*])¹¹.

24. В то же время восприятие прохладного сочного красного яблока (как холодного сочного красного яблока) является делом совместной работы (а) *ощущения-с-образовыванием* целостной структуры, содержащей в качестве своих аспектов образы [*image*] белой мякоти и ощущае-

⁹ Различие между *imagininig* и *imaging* трудно выразить с помощью пары соположенных русскоязычных терминов. Оба они обозначают деятельность по «созданию образов», но если *imagininig* обозначает *воображающее мышление* и было переведено как *воображение*, то *imaging* (как *образное мышление*) мы за неимением лучшего перевели термином *образовывание*. – Прим. перев.

¹⁰ В глагольной же части переводимого с английского выражения «by virtue of *thought of*» присутствует предлог «of», с помощью которого фиксируется интенциональный характер нашего сознания: наша мысль всегда есть *мысль о...* С учетом этого «...by virtue of *thought of*» можно перевести так: «яблочность присутствует здесь только благодаря тому, что *о ней думают*». Пояснение же в скобках об «интенциональном существовании» («intentional in-existence» или «intentional inexistence») [яблочности] отсылает к феноменологической традиции (Бrentано, Гуссерль), в рамках которой выделяется особый – *интенциональный* – тип существования ментальных объектов как бы внутри нас. – Прим. перев.

¹¹ Важным моментом здесь является то, что опыт включает в себя скорее *актуальное* восприятие некоторого объема белизны [яблочной мякоти], чем просто наше верование в его существование. Феноменолог думает о нем как о воображаемом объеме белого (*image-volume of white*). А прагматично настроенный современник (нейрофизиолог) может настаивать на том, что хотя *актуальность* [восприятия белого] является разновидностью трехмерного нейрофизиологического процесса, скоррелированного со стимуляцией белыми объектами, но это не должно трактоваться как образ в более традиционном смысле. Приведенная в данной статье аргументация нейтральна к этим точкам зрения. С одной стороны, можно думать об этом нейрофизиологическом процессе как имеющей место генерации образных образов белого. С другой стороны, когда мы смотрим не на непрозрачный объект, а на, например, [полупрозрачный] розовый кубик льда, нейрофизиологический процесс включает в себя актуальное существование чувственно-воспринимаемого розового.

мой [sensed] половинки яблока, покрытой красной оболочкой, и образ или некоторый объем сочности, проникнутый некоторым объемом белого; (б) *концептуализации* этой объединенной чувственно-образной структуры [sense-structure] как прохладного сочного красного яблока. Заметим, что перечисленные собственные и общие [чувственные] признаки входят сюда *дважды*: и как положенные в качестве *реальных черт* данной чувственно-образной структуры, и благодаря их концептуализации и верованию в их существование. Как и раньше, яблочность входит сюда только благодаря тому, что ее мыслят [верят в ее существование].

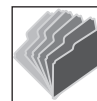
III

25. Результат предыдущего раздела заключается в том, что перцептивное сознание включает в себя *построение чувственно-воображаемых моделей внешних объектов*. Подобное построение является работой воображения, реагирующего [отвечающего] на возбуждение сетчатки глаза. С этого места и далее я буду говорить об этих моделях как образах-моделях [образных моделях; image-models], потому что хотя различие между «живыми» [чувственными] и менее «живыми» [вообразительными¹²] чертами модели важно, но оно менее существенно, чем перспективистский характер этой модели (и подчинено ее структуре как определенной точке зрения, в которую включены содержательные черты).

26. Наиболее значимый момент заключается в том, что подобное построение является целостным процессом, управляемым комбинацией входных чувственных данных, с одной стороны, и фоновых убеждений, воспоминаний и ожиданий – с другой. Комплекс способностей, включенных в этот процесс, и есть то, что Кант назвал «продуктивным воображением» в противоположность «репродуктивному воображению». Продуктивное воображение, как мы увидим далее, благодаря своему родству как с чувственностью, так и с рассудком объединяет в одном опыте [переживания] разноплановые вклады этих двух способностей.

27. Повторим еще раз, что хотя объекты, которые нам непосредственно даны в перцептивном сознании, являются образами-моделями, мы не сознаем их как образы-модели. Только посредством феноменологической рефлексии (или при помощи того, что Куайн называет научной эрудицией) мы приходим к подобной теоретической интерпретации перцептивного сознания.

¹² В философской традиции Нового времени (Локк, Юм, Беркли) чувственные восприятия характеризуются как «живые» в противоположность более тусклым «идеям», к которым относятся и воспоминания, и воображения (как то, что мы домысливаем относительно предмета восприятия). В обсуждаемом примере Селларса к «живым» чертам относится воспринимаемая краснота лицевой стороны яблока, а белизна его мякоти и краснота его невидимой стороны имеет менее «живой» характер. – *Прим. перев.*

28. Заметим также, что построение образов-моделей окружающих нас объектов идет рука об руку с построением образа-модели тела воспринимающего субъекта, т.е. того, что выражается в некотором образе-модели субъекта-в-окружающей-его-среде. Перспективистский характер образной модели является одной из ее самых глубоких отличительных черт. Это убедительный аргумент в пользу тезиса о трансцендентальной идеальности мира образов-моделей. Образы-модели являются «феноменальными объектами». Их *бытие* [esse] заключается в том, чтобы быть *представителями* или *заместителями*. Их *существование* [being] заключается в том, чтобы быть сложными паттернами сенсорных состояний, построенных с помощью продуктивного воображения.

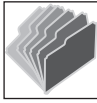
29. Однако еще более важен факт, что хотя образы-модели имеют перспективистский характер, объекты, в терминах которых они концептуализируются, таковыми не являются. Так, *яблоки* [как реально существующие вещи] не имеют перспективистского характера. И понятие яблока не является понятием о перспективистской сущности. Яблоки *воспринимаются* [видятся] с какой-то точки зрения. Яблоки *воображаются* с какой-то точки зрения. Пространственная структура [яблок] также *воображается* [представляется] с некой точки зрения. Однако понятие пространственной структуры, например пирамиды, не является понятием объекта с той или иной точки зрения¹³. Тем самым необходимо четко различать объекты, включая нас самих, *представленные* посредством продуктивного воображения, с одной стороны, и образы-модели, *создаваемые* продуктивным воображением, – с другой.

30. Теперь мы можем собрать воедино все выделенные нами ранее моменты визуального восприятия.

31. Продуктивное воображение – уникальное сочетание способности формировать образы *в соответствии* с некоторым правилом и способности постигать объекты таким способом, который *удовлетворяет* необходимым правилам. Кант проводит различие между *понятием* собаки и *схемой* собаки. Первое из них вместе с понятием *воспринимающего субъекта*, способного менять свое местоположение по отношению к своему окружению, включает в себе целое семейство правил для построения образных моделей *находящейся-напротив-наблюдателя-собаки*.

32. Лучше всего это можно проиллюстрировать на одном простом примере, поскольку наш чувственный опыт не начинается с восприятия собак или домов. У ребенка, например, просто нет еще необходимых ресурсов [возможностей] для такого опыта. Но хотя у ребенка еще и нет концептуальной структуры собак, домов, книг и т.д., у него, согласно Канту, должна иметься некая врожденная концепту-

¹³ Пирамида сама по себе не имеет перспективистского характера и не зависит от какой-либо точки зрения: она остается пирамидой, с какой бы точки зрения мы на нее ни смотрели. – *Прим. перев.*

альная структура, своего рода прототеория о пространственно-временных физических объектах, способных к взаимодействию друг с другом; объектов (в этом заключается суть вопроса), способных генерировать визуальные входные сигналы, которые изменяются систематическим образом вместе с изменением их местоположения относительно тела воспринимающего субъекта.

33. Рассмотрим пример воспринимающего субъекта, который видит пирамиду и ходит вокруг нее, глядя на нее (рис. 1). *Понятие* красной пирамиды, находящейся в разных положениях относительно тела воспринимающего субъекта, порождает целое *семейство* концептов, относящихся к последовательностям *перспективистских* образов-моделей находящейся-напротив-меня-пирамиды¹⁴. Это семейство может быть названо схемой понятия пирамиды.

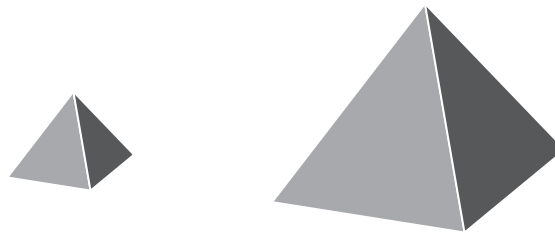

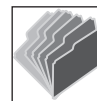
Рис. 1

34. Заметим, что схема пирамиды не следует из *одного* лишь понятия пирамиды. Она следует из сложного концепта *пирамиды, находящейся в таких-то и таких-то положениях по отношению к воспринимающему субъекту*. Этим объясняется тот факт, что хотя понятие пирамиды не является зависящим от какой-либо-точки-зрения-понятием, но ассоциированные с ним схемы имеют [прямое] отношение к последовательностям перспективистских моделей пирамиды.

35. Именно в терминах этих соображений должно быть понято кантовское различие¹⁵ между (а) понятием объекта, (в) схемой по-

¹⁴ Восприятие чувственного многообразия, которое далее конституируется рассудком как *предмет* познания, осуществляется путем его *последовательных* схватываний: «аппрегензия многообразия явления всегда последовательна» [В 234] (см. также п. 35 и след. сноску) [здесь и далее мы цитируем Канта по изд. [1]: *Кант И.* Критика чистого разума. М.: Наука, 1999]. – *Прим. перев.*

¹⁵ А 140 ff; В 179 ff. То, что Кант не подчеркивает роль понятия тела воспринимающего субъекта и его органов восприятия в задании правил последовательного схватывания многообразия [явления] объекта (например, дома), объясняется, по-видимому, тем фактом, что понятие субъекта восприятия и его способностей является постоянным фактором в генерации всех объектных схем (object-schemata). Источником же дифференциации между различными объектными схемами является различие между вовлеченными сюда [в опыт; в схемы] объектными понятиями (object-concepts) (например, домом, собакой и т.д.). Читателю следует обдумать примеры Канта восприятия дома и судна в свете его объяснений различия между субъективной и объективной последовательностями (А 192; В 237).

нения, и (с) образом объекта, а также его экспликацию [его же] различия дома как объекта и последовательным схватыванием [последовательностью схватывания] многообразия [явления] дома¹⁶. «Объект — это *то* в явлении, что содержит в себе условие этого необходимого правила схватывания¹⁷»¹⁸.

36. Подведем итог сказанному выше. Продуктивное воображение порождает как (1) сложную демонстративную [demonstrative] концептуализацию [описание] типа:

Эта красная пирамида, повернутая ко мне ребром.
— так и (2) синхронизированную с ней¹⁹ *образную модель* [image-model], которая является образной точкой зрения лица, стоящего напротив красной пирамиды, повернутой к нему ребром. Теперь мы в состоянии понять кантовское различие между продуктивным и репродуктивным воображением²⁰. Принципом репродуктивного воображения является «ассоциация идей»; более точно — ассоциация объектов. Связь между ассоциируемыми объектами случайна и зависит от происходящего в опыте. Как ассоциация *объектов* она предполагает конституирование объектов с помощью продуктивного воображения. Принципом такого конституирования является уже не происходящее [случайным образом в опыте], но его соответствие правилу — схеме, извлеченной из понятий. Тем самым мы можем понять точный смысл, в котором продуктивное воображение выступает посредником [«общим корнем» (Кант)] между «крайностями... чувственности и рассудка...» (А 124²¹) и является «действием рассудка на чувственность [и первым его применением]» (В 152).

¹⁶ «Так аппрегензия многообразия в явлении дома, стоящего передо мной, последовательна» [В 235]. — *Прим. перев.*

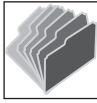
¹⁷ В русском переводе *Критики* это звучит так: «то в явлении, что содержит [в себе] условие этого необходимого правила аппрегензии (схватывания. — *К.С.*), есть объект» [1, 213; В 236]. — *Прим. перев.*

¹⁸ А 191; В 236. Для более детального объяснения этого кантовского тезиса, который играет центральную роль в его трансцендентальной дедукции — более развернутого в первом изд. «Критики» (А 104, А 120) — см. мою статью «Кантовский трансцендентальный идеализм» (Материалы Кантовского международного конгресса, Оттава, 1976; [Kant's Transcendental Idealism // Proceedings of the International Kant Congress. Ottawa, 1976]).

¹⁹ Моментальная модель изображения является, конечно, абстракцией последовательности образных моделей, в которой реализуется определенная схема для частной последовательности отношений [положений] между воспринимающим субъектом и объектом.

²⁰ См. А 120–4. Обсуждение роли продуктивного воображения при описании трансцендентальной дедукции во 2-м изд. «Критики» очень абстрактно [по сравнению с 1-м изд. «Критики»], поскольку внимание Канта там сосредоточивается на роли самосознания [апперцепции], участвующего в конструировании и осознании чувственных представлений (но см. В 138; В 150 ff). Обсуждение специфики воображения оставлено в «Аналитике основоположений», где нумерация совпадает с 1-м изд. «Критики».

²¹ «Эти крайние звенья, а именно чувственность и рассудок, необходимо должны соединяться друг с другом при помощи этой трансцендентальной функции способности воображения» [1, 145; А 124]. — *Прим. перев.*

IV

37. В предыдущем разделе данной работы я выделил различие между тем, *в качестве чего* мы воспринимаем объект, и тем, *что* мы воспринимаем из объекта. Я соотнес это различие с различием между сложными демонстративными мысленными компонентами и сложно-образными компонентами чувственного опыта. Теперь я хочу ввести это различие более систематическим путем и соотнести его с кантовской теорией категорий.

38. Основная идея заключается в следующем: то, *что* мы воспринимаем *из* объекта в зрительном восприятии, состоит из тех черт, которые реально принадлежат к образной модели [image-model], т.е. к его собственным и общим чувственным качествам и отношениям, а также к его перспективистской структуре. С другой стороны, то, *в качестве чего* мы воспринимаем объект, зависит от концептуального содержания сложной демонстративной мысли [описания]. Я также обращал внимание на то, что чувственные черты находятся в обоих контекстах. Так, выражение «розовый кубик ([видимый] с определенной точки зрения)» отсылает нас как к реальной черте образной модели, *а также* (косвенным образом, в своей «вторичной интенции») является компонентом понятийного центра демонстративной мысли. Таким образом (рис. 2):

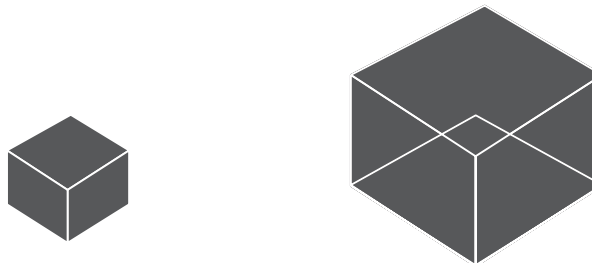
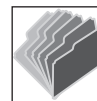

Рис. 2

39. Выше [см. п. 22] я подчеркивал, что мы не воспринимаем из объекта его *причинных свойств*. То, что мы можем высмотреть из объекта, относится к его наличествующим чувственно воспринимаемым качествам. Теперь это может быть обобщено следующим образом. Мы не воспринимаем из объекта такой его характеристики, как существование в качестве *субстанции*, имеющей *атрибуты*, или его принадлежности вместе с другими субстанциями к системе взаимодействующих субстанций, или того, что его существование соотносимо с законами природы. Короче, мы не воспринимаем *из* объекта то, что может быть названо «категориальными» признаками, так как образный конструкт не *обладает* такого рода категориальными признаками. Образ обладает лишь некоторой *эмпирической* структурой, ко-

торуую мы можем специфицировать при помощи терминов, соответствующих воспринимаемым качествам и отношениям. Но у него нет логической структуры; отрицательность, дизъюнктивность, всеобщность, некоторость [квантор существования]²² не являются характеристиками образной модели²³. Это черты [элементы] суждения. В общем, можно сказать, что образная модель не имеет грамматической структуры. (Напомним, что мы строим *ментальные суждения* по аналогии с *предложениями*. Суждение как оно есть, мы говорили, является фрагментом ментального предложения.) И вне всякого сомнения, кантовские категории являются грамматическими классификациями. Они классифицируют грамматические структуры и функции ментализации.

40. Так, категория субстанция–атрибут является структурой типа *S* есть *P*, или формой атрибутивного [субъектно–предикатного] суждения. Категория причинности является формой типа *X* имплицитно *Y*. Категория реальности является формой типа это *p* – истинно. Точнее, категории являются такими формами или функциями, которые предназначены для мышления о пространственно–временных объектах.

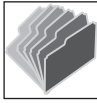
41. В предыдущем разделе мы рассматривали различие между понятиями эмпирического объекта и схемами этих понятий, т.е. правилами для последовательностей образных моделей, которые определяются понятием об объекте–в–различных–последовательных–положениях–к–наблюдателю. Но Кант также использует термин *схема* в связи с категориями. Категории не имеют образных моделей. Не существует такого же образа причинности, как образа дома. Но они обладают своего рода *схемами*, т.е. правилами, определенными в терминах абстрактных понятий, относящихся к чувственно воспринимаемым чертам мира. Так, схемой причинности будет понятие единообразной для любой точки пространства и времени последовательности.

42. Юмовская концепция, можно сказать, трактует образы в расширительном смысле. Так, можно было бы сказать, что человек, во время грозы наблюдающий в конечный промежуток времени чередование вспышек и темноты, имеет наблюдаемый [в опыте] образ причинности. Кант, конечно, так не говорит, и я привожу это только для того, чтобы показать, что это новое употребление «схемы» не является абсолютно чуждым по сравнению с предыдущим.

43. Тогда схематизированная категория причинности является категорией типа основание–следствие [категорией имплицитного

²² Селларс употребляет слова: *not-ness, or-ness, all-ness, some-ness*, соответствующие основным логическим символам, и придает им при помощи суффикса «*ness*» статус существительных. Из-за отсутствия в русском языке односложного термина для *квантора существования* мы для единообразного перевода всех этих терминов написали суффикс «*-ность*» через дефис. – Прим. перев.

²³ Более отчетливо этот мыслительный ход прописан у Гуссерля, который в своих «Логических исследованиях» подчеркивал, что *логические формы* не являются содержательными абстракциями–обобщениями эмпирических фактов в силу их *формально-го* характера. – Прим. перев.

типа; ground-consequence], где основание [антецедент] связано с протеканием одного вида события $K1$ в момент t , а следствие – с протеканием другого вида события $K2$ в момент $t+\Delta t$. Соответственно поскольку основание – это событие вида $K1$, то должно быть истинно, что когда случается $K1$, то случается также и $K2$.

44. В первом приближении категории просто *идентичны* с формами суждений. Этот момент должен быть учтен, если мы хотим избежать традиционных трудностей, связанных с метафизической дедукцией категорий. Категории как формы мышления включены в *любые* рассуждения начиная с рассуждения о чувственно воспринимаемых объектах и заканчивая метафизикой и математикой.

45. Так называемые чистые категории являются такими формами мысли, которые приспособлены для рассуждений об *объектах* [предметных системах; matter-of-factual systems] в самом общем виде. Эти объекты не обязаны быть пространственно-временными, как объекты человеческого опыта. Полноценными категориями, с которыми Кант имеет дело в своей «Критике», являются такие чистые категории [рассудка], которые в свою очередь приспособлены для рассуждений о пространственно-временных объектах. Отношение форм мысли к чистым категориям является отношением общего к частному, таково и отношение чистых категорий к схематизированным категориям.

V

46. В заключение выскажу несколько соображений по поводу кантовской концепции интуиции. Рассмотрим утверждения:

Это – пирамида.

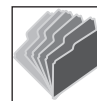
Эта пирамида сделана из камня.

Первое из них имеет явно грамматическую форму предложения. Второе – тоже. Но заметим, что в субъекте второго предложения неявно содержится грамматическая форма предложения. С точки зрения трансформационной грамматики, мы можем думать о нем [втором предложении] как происходящем из следующей глубинной структуры:

Это – пирамида, и она сделана из камня.

47. Кто-то может поддаться искушению и помыслить «это» [в выражении «*эта пирамида*»; this] как простое указание [demonstrative], не имеющее никакого другого концептуального содержания, как быть указательным местоимением. Кант действительно думает об акте интуиции как о наглядной мысли, ментальном «это» [Mentalese «this»], однако он не рассматривает этот ментальный демонстратив²⁴

²⁴ Термин «demonstrative» может переводиться и как *указательный*, и как *наглядный*. Его употребление в этой части статьи включает оба этих смысла, и поэтому здесь мы его перевели с помощью русскоязычной кальки «демонстратив» («демонстративный»). – Прим. перев.

только в качестве *пустого* ментального «это». Примером интуитивного акта был бы следующий ментальный эквивалент:

Этот куб, повернутый ко мне ребром...,
где его *не следует* понимать как, так сказать, ментальный парафраз выражения:

Это – (есть) куб, который повернут ко мне ребром.

48. Роль интуиции – *основополагающая и важная*. Она заключается в том, чтобы представить некий [конкретный] объект перед рассудком для его рассмотрения. Тем самым, хотя существует тесная взаимосвязь между:

Этот куб, повернутый ко мне ребром...

и

Это – (есть) куб, который повернут ко мне ребром,
– первое из них *нередуцируемый* вид представления. Оно является наглядным представлением, которое имеет свое понятийное содержание и грамматическую форму. Как было отмечено выше, оно содержит форму и содержание суждения «Это – (есть) куб».

49. Таким образом, для Канта интуиции являются сложными демонстративными мыслями, которые имеют имплицитную грамматическую (а следовательно, и *категориальную*) форму.

50. Какой бы бедной – как в случае с ребенком – ни была бы интуитивная репрезентация с точки зрения наличия в ней понятийного эмпирического содержания, она, тем не менее, содержит в зародыше понятие физического объекта «*здесь и теперь*», взаимодействующего с другими объектами в системе, которая включает и *меня*. Она представляет собой прототеорию мира, в которую включены и субъекты, воспринимающие объекты этого мира (читателю стоит задуматься над фрагментом А 127–8 «Критики»).

51. Кант подчеркивает различие между интуициями [созерцаниями], с одной стороны, и ощущениями и образами – с другой. Он подчеркивает, что именно интуиции, а не ощущения или образы содержат в себе категориальную форму. Когда Кант говорит о *синтезе* в связи с актом восприятия, он имеет в виду две вещи:

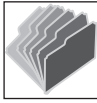
(1) конструирование образных моделей;

(2) формирование интуитивных репрезентаций (сложных демонстративов).

Здесь также имеется синтез, который состоит в формировании эксплицитных суждений типа:

(3) (эта кубическая субстанция) есть кусок льда.

52. А поскольку интуиции *обладают* категориальной формой, то мы можем *найти* в них категориальную форму. В этом смысле мы можем прийти к категориальным понятиям путем абстрагирования из опыта, но только потому, что опыт содержит *интуиции*, которые обладают категориальной формой. Мы не можем абстрагировать категории из ощущений и/или образов.

53. Подведем общий итог. Кантовские категории – это формы и функции суждения. Они являются грамматическими «общими случаями» [обобщениями; *summa genera*]. С точки зрения Канта, аристотелевская теория категорий неудовлетворительна, потому что он не провел различие между интуицией и образной моделью, его список категорий случаен (хотя и направляется смутными грамматическими интуициями [греческого языка]). И при этом Аристотель путает категории с родовыми понятиями [онтологических] сущностей в мире. Подобная теория таких [онтологических] понятий вполне имеет право на существование. Но она должна быть тщательно отделена от грамматики мысли.

Перевод с английского С.Л. Катречко